

Александр РАЛОТ

Историко-педагогические рассказы

КОРАБЛЬ – ПРОДАТЬ! ДЕНЬГИ – РАЗДАТЬ!

Необычный спектакль в средней школе №31

Учительница истории Мария Ивановна Левентова не находила себе места. Поминутно заглядывала в каморку, расположенную за актовым классом школы, и в сотый раз спрашивала старшеклассника со странной фамилией Подопригора, всё ли у него готово, и звук, и свет, и нормально ли функционирует прожектор. Потом спешила в гримёрку к своему классу, придирчиво оглядывая недавно сшитые костюмы для этого спектакля, взятые из книг, описывающих события начала позапрошлого века. Затем, отодвинув край полога, украдкой рассматривала актальный зал, до отказа заполненный учениками и приглашёнными по такому случаю родителями.

И только после того, как прозвенел третий звонок, накапала себе валерьянки и минуту спустя перекрестилась и... вышла на сцену.

— Дамы и господа, то есть, я хотела сказать, дорогие товарищи дети и взрослые, сегодня на ваш суд будет представлен спектакль под названием «Корабль — продать! Деньги — раздать!» в исполнении членов кружка любителей истории, которым я имею честь руководить. Итак, перед вами, — она сделала знак Подопригоре, и тот, кивнув, включил слайд, создавший на заднем плане сцены черты небольшого балтийского портового поселения, сама же продолжила: — Всё, что вы сейчас увидите, не художественный вымысел, а правда. Ученики нашей школы оживили один из эпизодов малоизвестной русско-английской войны, случившейся в одна тысяча восемьсот одиннадцатом году. Итак, перед вами русский гарнизон, расквартированный на месте нынешней Эстонии.

* * *

— Ваша благородь, дозволейте дорожить, — дозорный кавалерист вытянулся во фронт перед своим командиром, — во время обхода вверенной мне территории в море обнаружен гостевой, то есть купеческий, корабль. Шторм там на море, не приведи господь! Волны величиной почти что с колокольню бедолагу и туды, и сюды мотат, словно игрушку детску! Дозвольте оказать помощь. Ведь потонут купчишки ни за грош!

— Спасти души христианские — дело святое, — штаб-ротмистр уланского полка Бароздич подошёл к окну и, откинув занавеску, уставился на бушующее море. — Ну и куда ты, спасатель, попрёшься?! И главное — как? То есть, я хотел сказать, на чём? Насколько мне известно, в снаряжении улан лодки, впрочем, как любые другие плавсредства, акромья коней, не предусмотрены.

— Так это, того, у местных попросим. Чай, не откажут. С нами поплывут. Дело-то богоугодное. Я уже с их старостой перетолковал. Скажу я вам, рыбак бывалый, ниче-гошеньки не боится. Он со всей ватагой готов подсобить.

* * *

Подопригора сменил на проекторе картинку и перед зрителями предстала палуба корабля и связанные по рукам и ногам «спасатели».

— Сколько лет каперствую (читай — пиратствую, с одобрения и по лицензии английского правительства!), но такого ещё ни разу не было, — хохотал капитан небольшого корабля, отхлёбывая из бутылки ром, — добыча сама в наши руки приплыла! Нас спасать! Ну, насмешили ребята. Значит, так! Одного из вас, вон того седобородого рыбака, я, так и быть, отпущу. Но не по доброте душевной, а лишь затем, чтобы он добрался до берега и привёз мне вот прямо сюда всю вашу полковую казну. Так сказать, выкуп за ваши никчёмные и глупые душонки. Не привезёт... вздёрну всех на рее! Море скоро штормить перестанет, к утру наступит штиль. И вас, болтающихся на ветру, далеко будет выдать. Кавалеристы — матросы! Спасатели! Нет, ну это же надо до такого додуматься! Расскажу в Лондонской таверне, так не поверят же!

* * *

Несколько раз перечитав требование пиратов, Бароздич приказал конфисковать все имеющиеся в посёлке лодки и готовиться к ночной атаке. Однако ничего конфисковывать не пришлось. Местные рыбаки, все как один согласились помочь уланам и вызволить односельчан... или погибнуть с ними заодно!

* * *

Где уж ученики раздобыли старые, ещё советские, пистолеты и пистоны к ним, так и осталось тайной, но стрельба на сцене была знатная! По пиратскому кораблю, окружённому со всех сторон, рыбацкими лодками палили из всего, что могло стрелять.

* * *

В крошечной тьме каперский капитан принял единственно правильное решение... как можно быстрее поднять белый флаг и сдаться на милость этих сумасшедших русских, ведь перебьют всех до единого...

Как выяснилось позже, в результате этой атаки не был ни убит, ни ранен ни один человек, находящийся на борту.

* * *

На этот раз Подопригора спроецировал на сцену интерьер кабинета военного министра Российской империи Барклая де Толли.

Михаил Богданович внимательно вчитывался в рапорт, доставленный с берегов Балтики и мало что понимал:

— Бравые уланы захватили судно, освободили товарищей и взяли в плен пиратов, нанятых англичанами?! Вот интересно, тот, кто это писал, часом не был мертвецки пьян? Впрочем, в качестве доказательства к рапорту присовокуплен корабельный флаг, что перевешивает все сомнения, — министр взял со стола колокольчик и вызвал к себе дежурного офицера: — Пиши депешу тамошнему гарнизонному командиру, — де Толли надел перчатки и лишь после этого брезгливо двумя пальцами смахнул каперский флаг в нижний ящик стола. — Продолжим, чего стоишь, садись за стол, так же писать сподручнее, — министр указал офицеру на стоящий поодаль маленький стол. — Первое: этого храброго и находчивого Бароздича повысить в звании, присвоить ему чин... э... скажем... ротмистра. Второе: каперское судно продать, а деньги разделить среди всех участников штурма. Третье: не забыть при этом и местных жителей, предоставивших для оной операции свои лодки. Написал? Дай сюда, подпишу и вели доставить сей документ без всяких проволочек!

* * *

Декорация на сцене актового зала вновь поменялась и теперь представляла собой ратушу города Ревеля, в одной из комнат которой бушевал губернатор края принц Ольденбургский:

— Неизвестно кого одарить такими деньжищами, а меня, губернатора, за весь край отвечающего, даже не упомянули! Не много ли на себя берёт этот министр, сейчас же отпишу бумагу самому императору, с подобным безобразием надобно бороться, иначе совсем почитать перестанут. Раз есть добыча — значит, и непременно должен быть моя доля! Коль сей прискорбный случай имел место на вверенной мне земле.

* * *

На сцену вышла учительница истории и на правах автора зачитала текст высочайшего повеления:

— «Деньги отдать тем, кто непосредственно участвовал в абордажном деле! Александр Первый».

И, выждав театральную паузу, тихо продолжила:

— Когда всё продали и поделили, с учётом непосредственного участия каждого, то на одну рыбацкую и уланскую душу вышло по сто четырнадцать рубликов. Что соответствовало жалованию солдата-рекрута за... десять лет! Ну а храбрец-ротмистр должен был стать фантастически богатым человеком, ибо ему причиталось десять тысяч рублей ассигнациями!

За спиной учительницы опустили занавес.

* * *

— Так стал Бароздич миллионером или нет? — раздалось с места.

— Вы сказали, должен был стать?

— Деньги до солдат и рыбаков дошли или их Ольденбургский себе прикарманил? Мария Ивановна подняла вверх руку, и в зале мгновенно наступила тишина.

— Два года различные бумаги, касаемые выплат призовых, в то время это так называлось, путешествовали из одного ведомства в другое, за это время началась и окон-

чилась первая Отечественная война. Ротмистр погиб в первые её дни, как и половина его отряда.

Но к чести чиновников военного ведомства, деньги они себе не присвоили. Их все до копейки перечислили родственникам погибших и выплатили живым. А вот была ли родня у храброго ротмистра, мы, увы, так узнать и не смогли.

Очередное занятие в историческом кружке, или третий вариант

— Мам, ну какой борщ, какие котлеты, я же на занятие нашего исторического кружка жуть как опаздываю! — произнеся это, Серёжка Наседкин, схватив со стола недоеденный кусок хлеба, метнулся к двери. — Ой, уже без пятнадцати, а мне ещё два квартала до школы пробежать надо!

— Сын, кружок не урок. Если опоздаешь, ничего страшного, двойку не поставят и меня в школу не вызовут, сядь и доешь спокойно, — пыталась уговорить его мать.

— Да ты что! Там интереснее, чем на уроке. И вообще, у нас сегодня дискуссия. На неё ну никак опаздывать нельзя! Как же они без меня меня дискутировать начнут?!

— Что делать? Не поняла, — мать пыталась незаметно положить в карман сына бутерброд.

— Пошли со мной, всё сама увидишь и поймёшь. Будем разбирать один из эпизодов неизвестной войны.

— Как это неизвестной? Разве такие бывают?

— Представь себе, случаются. Ты слышала о странной войне между Российской и Британской империями? А она, между прочим, целых пять лет длилась!

Полчаса спустя. Кабинет истории

— Итак, дорогие мои кружковцы, а также присутствующие здесь дамы и господа, — учительница истории Мария Ивановна Левентова окинула взглядом набитую до отказа аудиторию и родителей, деловито оккупировавших Камчатку¹, — сегодня мы с вами перенесёмся на Пиренейский полуостров, точнее, в Португалию, в её столицу, город... — она окунула взглядом класс, ожидая увидеть лес рук, но всех опередила отличница Лена Крикун, подтверждая свою фамилию и опровергая вековые школьные правила, выкрикнула с места:

— Лиссабон!

Учительница покачала головой, но потом, хитро прищурившись, продолжила:

— Небольшая русская эскадра, состоящая из кораблей Балтийского флота (всего девять линейных кораблей и один фрегат) под командованием контр-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина после завершения блокады пролива Дарданеллы и победоносного Афонского морского сражения с турками в конце октября 1807 года зашла в местный порт для отдыха и пополнения запасов. Однако через пятнадцать дней генерал наполеоновской армии по фамилии Жюно захватил столицу этой страны. На помощь местным жителям немедленно выдвинулась британская эскадра. Корабли Сенявина были заблокированы в бухте. Увы, силы противоборствующих сторон были неравны. Корабли противника по численности и количеству бортовых орудий многократно превосходили наши. Ну и, конечно, на помощь своих в этих далёких землях надеяться было бессмысленно. А теперь пусть каждый из вас поставит себя на место русского адмирала и примет решение, как поступить. Только прошу, более с места не кричать, а донести свою версию путём цивилизованного поднятия рук.

Поднимая вверх сразу две руки и косясь на сидящую сзади мать, с места поднялся Наседкин и, откашлявшись, командирским голосом произнёс:

— Ввиду сложившейся чрезвычайной ситуации... приказываю сжечь корабли, все до единого, дабы они не достались врагу треклятому! Об исполнении доложить! Впрочем, я за этим самолично буду наблюдать!

— Приказываю! Пушки расчехлить! Бочки с порохом из трюмов извлечь. Ядра приготовить! Всему личному составу переодеться в чистое, дабы в таком виде предстать перед всевышним! После чего, помолясь, вступить в бой с неприятелем и героически погибнуть, уйдя под воду с гордо реющим Андреевским стягом, утащив за собой хоть несколько неприятельских кораблей, — предложил свой вариант один из самых неуспевающих учеников Семён Фамин.

— Ещё варианты будут? — Мария Ивановна с надеждой посмотрела на взрослых, надеясь, что среди них найдётся знаток истории и предложит третий вариант.

— Ну не сдаваться же?! Синявин, да и никто из русских офицеров, такое и пред-

¹ Если кто запомнит, так я напомним: на большей части территории России (конечно, кроме Камчатки и Сахалина) задние парты в школе называют «Камчаткой». А на Дальнем Востоке их называют — Калининград!

ставить себе не мог! — недовольно пробурчала Лена, оглядываясь назад и ища поддержки у одноклассников.

— Ну а ты что по этому поводу думаешь? — обратилась учительница к щуплому очкарику Иннокентию Сморчкову.

— А я, Марь Ивановна, ничего не думаю, мне история особо-то и не нужна, я в театральные поступать буду, а там кого режиссёр заставит, того и буду играть, хоть Дмитрия Николаевича, хоть самого Александра Сергеевича.

— В таком случае, зачем же ты на заседание кружка пришёл? Насколько я помню, нахождение здесь, в отличие от уроков, дело сугубо добровольное, — учительница подошла ближе и открыла лежащую перед ним тетрадь. — Можно я, с твоего разрешения, прочитаю конспект? — Сморчков покраснел, но затем отошёл в сторону и, театрально скрестив руки на груди, молча кивнул. — «Перерыв весь интернет, я нигде не нашёл сведений, что кому-нибудь из русских адмиралов приходилось очутиться в более трудном положении, чем контр-адмиралу в Лиссабонском порту. Оно и понятно, вернее, совсем непонятно. С одной стороны, перекрыли выход в океан враги-англичане. С другой стороны, столица Португалии занята вроде бы союзниками-французами. Но против них совсем недавно русские полки сражались на полях Моравии и Польши!» Сморчков, что-то я тебя не пойму. Ты только что утверждал, что история тебе не интересна, а к нашей встрече более чем тщательно подготовился? Как это понимать?

— «Я ненавижу англичан настолько же, насколько вы их ненавидите, и буду вашим помощником во всём, что вы будете делать против них». Это не я сказал, — Иннокентий поднял палец вверх, — а сам самодержец российский Александр Первый. Его как понимать? Только что дрался с Наполеоном, и нате вам такое. Ведь в душе он же точно был за островитян. Вот и я тоже. Честно, не знаю, как поступил бы на месте Сенявина, поэтому и ляпнул про артиста, безвольного и беспринципного.

— Ну, правда, Мария Ивановна, не томите! Не только дети, но и мы уже все извелись, — вступилась за Иннокентия Серёгина мама, — расскажите, какое наш контр-адмирал принял решение? Уничтожил свои корабли? Или всё же в бой повёл? Ведь просто сдать на милость победителя он не мог!

— И не то, и не другое, и даже не третье, — Мария Ивановна вернулась на своё место: — В Португалии имел место уникальный, не имеющий аналогов в истории случай. Дело в том, что французский генерал не раз просил Сенявина выполнить союзнический долг и навязать англичанам сражение, но Сенявин раз за разом вежливо ему отказывал, понимая, что совсем скоро русские и французы окажутся по разные стороны баррикад. В одной из последних бесед маршал Жюно настойчиво убеждал Сенявина: «У вас почти семь тысяч моряков. Для обслуживания кораблей, стоящих на якоре, нужна всего тысяча. Соберите из остальных шесть батальонов. С таким подкреплением мы дождёмся либо помощи из Франции, либо сезона шквальных ветров, либо договора, который спасёт мою армию и вашу эскадру». Однако и в этот раз русский адмирал ответил вежливым отказом. 30 августа 1808 года Жюно, так и не дождавшись помощи от русских, подписал «почётную капитуляцию». Согласно ей, французы были обязаны уйти из Португалии, а англичане принимали на себя обязательство перевезти французскую армию со всем оружием, знамёнами и имуществом на родину. Однако для русских моряков ничего не изменилось, они по-прежнему были заперты английскими кораблями в Лиссабонской бухте. И Сенявин не без основания опасался, что британцы объявят эскадру своей военной добычей, а экипажи — военнопленными. После долгих переговоров стороны разработали и подписали особую конвенцию. Согласно ей, русские моряки не считались взятыми в плен! Они отбывали в Англию, где и должны были дожидаться заключения мира между Россией и Англией. После чего могли беспрепятственно возвращаться домой в составе тех же экипажей и со всем корабельным имуществом. И они, целые и невредимые, вернулись в Россию на английских транспортных судах осенью 1809 года. А ещё через четыре года в Кронштадт пришли всего два корабля из всей флотилии. Как это обычно и бывает, Александр Первый не оценил третий, бескровный, вариант Сенявина, позволивший сохранить жизни шести с половиной тысячам человек. После начала первой Отечественной войны двенадцатого года о флотоводце даже не вспомнили. Дмитрий Николаевич сам подал царю прошение об определении его на военную службу. И получил ответ: «Где, в каком роде службы? И каким образом?» Не нашлось контр-адмиралу места даже в народном ополчении.

* * *

По дороге домой мать взяла за руку Сергея:

— Сынок, ты это, — она на минутку замолкла, но потом решительно продолжила, — когда у вас будет исторический кружок, меня и отца зови. Хорошо? Только не забудь. И сам как следует готовься к этим вашим... дискуссиям!

КАПИТАНА – ОПРАВДАТЬ! АДМИРАЛА – РАЗЖАЛОВАТЬ!

Необычный урок истории в средней школе №31

– К доске пойдёт... к доске пойдёт... – учительница истории Мария Ивановна водила пальцем по открытому школьному журналу. – А вот давненько я не слышала голоса ученика... – при этих словах все девочки, кроме одной, облегчённо выдохнули. – Наседкин, иди к доске и расскажи нам, когда английские войска воевали против России. Как называлась эта война и сколько лет она продолжалась?

– А можно я с места? Там и рассказывать нечего, всего-то несколько строчек в учебнике, – поднялся из-за стола долговязый ученик.

– Ну, на месте и стены помогают, – согласилась учительница. – Только чтобы ни одной подсказки не было! Иначе двойка. И не только тебе, но и тем двоим, сидящим сзади тебя.

– Так называемая Крымская война – война между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства – продлилась три года, с 1853 по 1856 годы, – глядя на потолок, заученно затараторил ученик. – Наш тогдашний император Николай под порядковым номером Первый пытался воспользоваться национально-освободительным движением балканских народов, чтобы установить контроль над Балканским полуостровом и стратегически важными проливами Босфор и Дарданеллы. Но его планы не соответствовали интересам ведущих европейских держав – Великобритании и Франции!.. Марь-Ивановна, всё! Там больше ничего не написано.

– Даже не знаю, что тебе за этот исчерпывающий ответ поставить, – при этих словах учительница хитро подмигнула отличнице Лене Крикун. – На прошлом занятии я просила записать в дневнике такую фразу: при подготовке к уроку использовать дополнительные материалы. Наседкин, ты их использовал?

– А как же. Обязательно. Ещё один раз англичане воевали против наших во время Гражданской войны. Эта так называемая иностранная интервенция в нашу страну – открытое военное вмешательство стран Согласия (Антанты) и центральных держав (Четверного союза). Но она продлилась недолго. Войска островитян получили от красных как следует и быстро убрались из Мурманска и Архангельска.

– Садись, в конце урока ты сам себе оценку поставишь, – Мария Ивановна встала и подошла к Крикун: – Ну а ты, Лена, какие дополнительные материалы изучила? Поделись с классом.

– Как вы, наверное, знаете, некоторые наши ребята после школы собираются в Москву в театральные поступать, так что мы свой ответ расписали по ролям и будем хором отвечать, не возражаете? – на одном дыхании выпалила отличница, – учительница хотела связвить, что, в таком случае, и оценку одну на всех получат, но передумала, решив поддержать новаторство, молча кивнула, возвращаясь на своё место. – 25 июня 1807 года, – подражая известной дикторше, начала свой рассказ Елена, – российский император Александр Первый встретился на плоту, установленном ровно посередине реки Неман, с Наполеоном Бонапартом. Итогом этого рандеву стал всем известный и крайне непопулярный в командовании русской армии договор, именуемый Тильзитским миром. Французы вынудили нас присоединиться к континентальной блокаде, то есть прекратить всякие деловые и прочие отношения с Англией.

– Да, но, как известно, этот кабальный договор не послужил казусом бэлли... – перебила докладчицу Мария Ивановна. – Впрочем, продолжай, мы все тебя внимательно слушаем.

И действительно, в классе стало так тихо, что если бы сейчас в окно влетела муха, то её жужжание было бы слышно в любом уголке помещения.

– Поводом к войне с островитянами послужил ультиматум российского государя, – продолжила Крикун. – Под предлогом борьбы с континентальной блокадой английский флот, во-первых, захватил абсолютно все датские корабли, стоящие на рейде Копенгагена, а во-вторых, посадил на свои корабли большой десант, состоявший из кавалерийской бригады, артиллерийского корпуса и шести английских и четырёх немецких бригад пехоты, довольно быстро оккупировал и сам город.

– Санкт-Петербург. Зимний дворец, – вступил в разговор сосед по столу, щуплый парнишка по имени Иннокентий. – Александр Первый стоял у окна, рассматривая разношерстную толпу, снующую внизу, по площади. Наконец, он повернулся к

стоящему у входа министру иностранных дел и с металлическими нотками в голосе произнёс: «Извольте незамедлительно известить Лондон о том, что я не потерплю оскорбления, нанесённого датскому королю, древнему союзнику России!» 26 октября (по старому стилю) 1807 года Российская империя обнародовала декларацию «О разрыве мира с Англиею», объявив войну «владычице морей». В документе в резкой форме было выражено возмущение по поводу варварской бомбардировки датской столицы англичанами: «Решилась на Севере Европы возжечь новую войну, коей пламя не желала она видеть погасшим... учинив насилие, коему равнаго во всей истории... найти трудно».

— Так началась первая англо-русская война 1807-1812 годов, — почему-то тяжело вздохнув, добавила Елена.

— Ну, что же, хорошо, я бы даже сказала, отлично, — похвалила докладчиков учительница, но мне непонятно, как можно воевать со страной, с которой у тебя нет общих границ. Где Россия и где Дания? Как воевали наши войска друг с другом в это время или всё ограничилось лишь бумажным ультиматумом?

— Ну, конечно же, сражения были, да ещё какие! — вскочил с места ещё один ученик. — Вы просто не дали нам закончить. Там в Балтийском море такое творилось, я вам сейчас расскажу, можно? — Мария Ивановна уже во второй раз за урок утвердительно кивнула. — Дело в том, что англичане, в своей манере, купили себе наёмников, то есть тех, кто будет воевать с русскими вместо них, причём не отряд или армию, а целое государство! Швецию. Пообещали им один миллион фунтов стерлингов, если они нападут на нашу страну от имени островитян. Узнав об этом, Наполеон, не мешкая, отправил Александру Первому письмо, в котором без всяких дипломатических уловок, открытым текстом предложил русским войскам захватить для начала Финляндию, а потом и всю Швецию, чему он, Бонапарт, будет только рад!..

* * *

Весь класс безмолвствовал. Ученики дружно закрыли глаза и вслушивались в каждое слово своих товарищей. Перед их глазами предстало штормовое Балтийское море и многочисленная английская эскадра, пришедшая на помощь шведским союзникам. Ей противостояли несколько кораблей под бело-синим Андреевским флагом, под командованием адмирала Петра Ханыкова. Флотоводец, внимательно изучив доклады своих подчинённых, после долгих раздумий, наконец, огласил своё решение:

— Вооружение кораблей, скажем так... нашего сегодняшнего противника... в несколько раз превосходит наше. Вступим в баталию — дружно пойдём рыбам на корм. А посему приказываю: бой не принимать, а ретироваться на безопасное расстояние. Полагаю, что каждый капитан корабля вверенной мне флотилии, как и многие в русской армии, не считает англичан врагами, а французов — союзниками. Признаюсь честно. У меня тоже подобный факт не укладывается в голове. Ибо за всю историю нашей державы не было у нас с ними ни одного военного конфликта.

* * *

— Капитан! Господин Руднев!¹ Впереди по курсу мель! — пытаюсь перекричать шум ветра, прокричал вахтенный. Но было поздно: минуту спустя линкор, ломая мачты и пропарывая днище, врезался в неё.

Беда, как известно, не приходит одна. Совсем скоро обездвиженный корабль окружили корабли неприятеля, открыв по нему шквальный огонь. Русский линкор из всех своих пушек открылся как мог. И, конечно же, затонул бы, если б смог. Но, увы, мель этого сделать не позволяла. Дабы спасти жизни своих моряков, Руднев, видя уничтожение своего корабля, отдал команду... спустить флаг. То есть сдаться на милость победителя.

Это был единственный в истории случай, когда Андреевский флаг достался англичанам.

* * *

Военно-морской трибунал заседал долго. Спорили до хрипоты. Наконец, был вынесен странный вердикт: «Первое: капитана Руднева оправдать по всем пунктам. Ибо ничего иного обездвиженный и окружённый неприятелем корабль сделать не мог. Второе: адмирала Петра Ханыкова признать виновным в поспешном отступлении без малейших причин. Пребывание превосходящей по силе и мощи английской эскадры не есть уважительная причина не вступать с ней в баталию. К тому же при позорном бегстве потерял линейный корабль Руднева. За сей проступок разжаловать его в рядовые матросы. Навечно. До конца своих дней. Ибо не престало русским воинам

¹ Вполне возможно, это мог быть предок легендарного капитана бессмертного крейсера «Варяг» Всеволода Руднева, ибо в русском флоте всегда существовали фамильные династии.

отступать ни на суше, ни на море, при любых обстоятельствах».

* * *

Кабинет Александра Первого. Император в третий раз перечитал вердикт, который ему предстояло утвердить. Несколько раз он брал в руки перо и каждый раз возвращал его на место. Наконец, он всё же окунул его в красивую чернильницу, выполненную из уральского камня и наискось начертал резолюцию: «Ханыкова просто уволить со службы ради и из-за долгой, беспорочной службы».

* * *

Уже давно прозвенел школьный звонок. Но ни учительница, ни, тем более, ученики так и не пошевелились, слушая докладчиков. Наконец, те закончили. Бегущие по коридору школьники с удивлением останавливались у закрытой двери класса, не понимая, чему там сильно и долго хлопают. Наконец Мария Ивановна, поправив очки, спросила:

— Ну, кто будет готовить следующий доклад?

— Я.

— Можно я?

— Мне поручите! — вскакивая с места и подняв сразу две руки, не попросил, а потребовал Наседкин.

«БЕЗ ЛЕСТИ ПРЕДАН»

«В октябре 5 числа у помещика Андрея Андреева сына Аракчеева сын Алексей»

Из записи в метрической книге «О рождающихся» 1769 года

*В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон;
Кинжала Зандова¹ везде достоин он.²*

Краснодар. Весна 2024

Не знаю, у кого как, но у меня точно есть глаз на затылке. Не верите? Нужны доказательства? Пожалуйста. Вот прямо сейчас за моей спиной стоит племянница Катя. Бесшумно, уподобившись кошке, вошла в мой кабинет и ждёт, не дождётся, когда я закончу стучать по клавишам компьютера, чтобы обсудить со мной «вопрос, не терпящий отлагательства и от которого зависит если не судьба планеты Земля, то уж точно будущее учащейся одиннадцатого класса Екатерины Емельяненко».

— Дядь Саш, ну ты скоро? — наконец, не выдерживает моя близкая родственница.

— Ты же всё знаешь, а наша училка — нет. Вот и даёт задание узнать, почему Пушкин ненавидел Аракчеева и писал на него злющие эпиграммы, а тот его за это даже на дуэль не вызвал.

— Всё знает интернет и твой любимый гугул, он так и зовётся — всезнающим, — не поворачивая головы, отвечаю я, наивно надеясь, что мне сегодня всё-таки удастся закончить рассказ.

— Гуляш стынет, и я чай твой любимый 95-й, да ещё с жасмином, заварила, — стреляет из тяжёлой артиллерии Катюша, прекрасно зная, что венгерским блюдом я ещё могу пожертвовать, а вот ароматно пахнущим зелёным чаем — ни за что!

— А ты знаешь, что после реформ Алексея Андреевича Аракчеева русскую артиллерию прозвали богом войны, а всю систему организации «орудийной службы» даже после его кончины ещё много лет называли аракчеевской?

— Не-а. Про казармы его имени где-то читала, там ещё говорится, что офицеры, служившие в таких казармах-поселениях, считали это самой настоящей ссылкой и подавали рапорты о переводе в другие воинские подразделения, а в случае отказа подавали прошение об отставке. А почему ты про артиллерию вспомнил?

— Да потому, что ты сейчас палишь в меня из всех главных калибров, — выключая компьютер и вставая с кресла, отвечаю я. — Знаешь ведь, что между работой и чаем я

¹ Немецкий студент, убивший консервативного писателя Августа фон Коцебу, занимавшегося травлей студенческих организаций.

² В 1819 году появляется двустихище (возможно, экспромт), которое с большой, но не стопроцентной, долей уверенности приписывают Пушкину. Стихотворение считается реакцией поэта на жестокое (в духе Нерона) подавление бунта в военном поселении в г. Чугуеве 18 августа того же года.

всегда и однозначно выберу второе.

Вторая половина XVIII века.

Маленькое поместье Гарусово (всего-то девятнадцать душ крепостных)
поручика в отставке Андрея Андреевича Аракчеева

— Алёша, скажу честно, — отец строго, по-военному посмотрел на сына, — кроме тебя, в семье ещё десяток детей имеется, но ты наша опора и надежда. Вижу — из тебя будет толк. А посему с завтрашнего дня у тебя будет учитель, увы, не из города, должен понимать, денег у нас мало, почитай, совсем нет. Однако и наш сельский священник Павел Максимович, — *(кстати, родной дед нашего Дмитрия Ивановича Менделеева)*, — тебя много чему научить сможет. Познавай науку прилежно, от занятий не отлынивай, ибо планирую я по достижении тобой нужных лет отправить тебя во вторую столицу, дабы там ты выучился на чиновника и далее делал карьеру по гражданской линии, ибо с армией в нашем роду как-то не ладится. Я вот, к примеру, даже до капитанского чина не удосужился дослужиться.

Увы, желанию отца не дано было сбыться. И виной тому не успеваемость Алексея, мальчик учился хорошо и науки познавал с завидным упрямством, а дети. Его сверстники.

Так уж вышло, что однажды семейство Аракчеевых отправилось в гости к соседскому помещику, капитану в отставке. И тот познакомил Алексея со своими отпрысками — кадетами военного училища. До поздней ночи Алёша с упоением слушал рассказы мальчишек о стрельбе из самых настоящих пушек, о чистке ружей и о сложнейшей военной науке. После возвращения домой сын заявил родителям, что ни по какой гражданской линии он не пойдёт и во что бы то ни стало будет офицером.

Из воспоминаний А.А. Аракчеева: «Мне казались они какими-то особенными, высшими существами. Я не отходил от них ни на шаг».

1783 год. Алексею исполнилось 14 лет

К чести отца, он переубеждать сына не стал и отправился вместе с ним на долгих¹ лошадях в Санкт-Петербург подавать документы в тамошний кадетский корпус. Решения о зачислении ждали полгода. Из дома денег не присылали совсем. Фактически нищенствовали. И окончательно отчаявшись, в один судьбоносный день младший Аракчеев подкараулил директора Соединённой артиллерийской и инженерной дворянской школы Петра Ивановича Мелиссино и бросился к нему в ноги со словами:

— Ваше превосходительство, нет сил более ждать приказа о зачислении. Ещё в январе, как полагается, подали бумаги, а нынче на дворе уже июль знойный. Дабы сюда добраться, четырёх коровушек продали. Верите, даже три рубли у самого митрополита выклянчили. Нынче же денег на проживание более нет совсем, остаётся только лишь одно — на паперть идти, Христа ради милостыни просить. Иначе помрём с батюшкой с голоду.

Седовласый генерал с удивлением посмотрел на юношу, велел идти за собой, тотчас же велел издать приказ о зачислении.

Много лет спустя, став властным сановником, Аракчеев помнил об этом случае и никогда не уходил домой, оставив у себя на столе непрочитанные послания. Всенепременно накладывал резолюцию на каждое точно в день его поступления. Будь то объёмистый доклад или всего лишь записка в три слова.

* * *

Учёба Алексею давалась нелегко, но, помня, что назад в деревню ему дорога заказана, и обладая завидным упорством, он быстро освоил все мудрёные науки и даже стал немного подрабатывать, обучая сыновей Салтыкова военному делу и фортификации.

Был назначен заведовать учебной библиотекой, из которой его стараниями через некоторое время пропала вся литература, кроме узконаправленной. «Дабы сие прочитав — смуту не разводить!»

Успешного выпускника Аракчеева оставили в училище, приказав преподавать кадетам математику. Там же написал свою первую научную работу «Краткие артиллерийские записки для наставления унтер-офицеров».

Но блестяще начатая карьера быстро оборвалась. Выявились факты его жестокого обращения к своим подопечным. Выручил из беды граф Салтыков. Однажды, по требованию наследника престола Павла Петровича «дать ему расторопного офицера»,

¹ То есть не меня уставших лошадей на промежуточных станциях на свежих — отдохнувших.

он порекомендовал закончившего с отличием выпускника училища Алексея Аракчеева «как весьма знающего артиллерийское дело».

«Вступительный экзамен» принимал лично Павел. Будущему самодержцу понравились обстоятельные и чёткие ответы молодого офицера, и тот был зачислен в штат свиты наследника престола.

Жилось во дворце молодому офицеру весьма несладко. Он даже спал не раздеваясь, дабы в любой момент предстать перед наследником по всей форме экипированным. И великий князь это заметил и оценил, назначил Аракчеева комендантом Гатчины, а затем поручил ему командование всеми своими сухопутными войсками.

1796 год. Зимний дворец. Кабинет императора Павла Первого

Самодержец расхаживал по комнате, теребя свой подбородок и о чём-то сосредоточенно думая. Наконец, остановился у окна, кинул взгляд на площадь, полную людей, и, не оборачиваясь к стоящему по стойке смирно секретарю, начала диктовать:

— Первое: назначить комендантом столичного града. Второе: присвоить звание майора гвардии Преображенского полка, — *(по традиции звание полковника носил сам император)*. — Третье: наградить орденом святой Анны 1-й степени. Четвёртое: пожаловать оному лицу баронское достоинство. Пятое: вдобавок к пункту три наградить ещё и орденом святого Александра Невского. И наконец, шестое: подарить две тысячи крестьян и имение в любой губернии на его выбор. Записал? Клади на стол, я сейчас же сей документ подпишу.

— Но, Ваше Высочество, там не указана фамилия. Кого именно?..

— Как кого? — оборвал секретаря император. — Мог бы и сам догадаться. Учителя моего сына Александра — Алексея Андреевича Аракчеева.

Весна 2024 года. Кухня нашего дома

— «По наружности Аракчеев похож на большую обезьяну в мундире. Он был высок ростом, худощав и жилист; в его складе не было ничего стройного; так как он был очень сутуловат и имел длинную, тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомию жил, мышц и т. п. Сверх того, он как-то судорожно морщил подбородок...» Из записок генерал-майора Николая Саблукова, — Катюша кончила читать, с минуту помолчала, а затем с вызовом продолжила: — Когда его бывший ученик, а ныне император Александр Первый поручил Аракчееву организацию военных поселений, то тот довёл это дело до полнейшего абсурда. За малейшие проступки виновных подвергали жестоким телесным наказаниям. В этих поселениях расходовались целые возы розог, а бедные поселенцы были вынуждены работать с утра до вечера под пристальным надзором начальников! И правильно писал о нём Пушкин, он-то не боялся сатрапа:

*Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель,
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лестии...*

Я молча поставил пустую пиалу на стол, поднялся и поманил девушку за собой в кабинет. Там открыл одну из моих многочисленных папок и протянул Екатерине:

— Читай, только очень внимательно. Аракчеев был педант до мозга костей. Записывал буквально всё, с чем ему приходилось иметь дело. Документ бесспорный, фотокопия из Государственного архива.

— «Книга приказаний 1896 года», — прочитала вслух племянница. — Но ведь это же ещё задолго до создания поселений.

— Катя, это неважно, интересен сам факт, что если б какому-то подчинённому когда-либо было нанесено увечье, данный факт обязательно нашёл бы своё место в подобном документе. Ты не отвлекайся, читай, нам ещё пушкинскую эпиграмму предстоит разобрать, — произнеся эти слова, я вывел на экран монитора герб Аракчеева. А Екатерина продолжила:

— «Объявлено выговоров двадцать два. Произведено три вычета из жалования и два ареста. Исключение во флот — одно. Под суд отдан один солдат за побег».

— Как видишь, ни одного случая тяжёлых телесных наказаний здесь не отражено. Конечно, есть всё же вероятность, что Алексей Андреевич об этом специально умалчивал, но согласись, на него это совсем не похоже. Теперь давай разберём его

фамильный герб, — я пододвинул к девочке стул, чтобы она могла рассмотреть изображение во всех деталях. — Видишь внизу слова: «Без лести предан». Так вот, их вписал сюда сам Павел Первый. И знаешь за что? За то, что, кроме крепостных крестьян, более никаких материальных подарков от сильных мира сего не принимал, более того, аккуратно извлёк и передал в казну бриллианты из рамки портрета Александра Первого, который был ему торжественно вручён, уж не помню, по какому случаю.

— Ну, раз он был такой честный и правильный, то почему же не вызвал Пушкина на дуэль за эту эпиграмму? — Катя с возмущением вскочила со стула. — В те годы все об Аракчееве плохо говорили, а всех обмануть нельзя!

— Давай начнём с того, что поэт зашифровал в последней строке эпиграммы имя не просто одной из женщин высшего света, а конкретно любовницы генерала — Настасьи Шумской. Дело было в том, что эта девушка была крестьянкой, то есть из «подлого и бедного» сословия, раньше подобные отношения не были позволительны никому. Даже людям из самого ближнего круга. И ты совершенно права, эпиграмма — более чем весомый повод для дуэли, тем более что поэт нанёс оскорбление не лично Алексею Андреевичу, а всему его роду, возведённому в графское достоинство. Но нашему Пушкину несказанно повезло — оскорблённый им человек был педантом и поклонником воинского устава, который категорически запрещал поединки. Это во-первых. А во-вторых, вот тебе ещё одна цитата Александра Сергеевича: узнав о смерти Аракчеева, поэт написал своей жене: «Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться». И знаешь, почему произошла такая метаморфоза? Да потому, что эпиграмма написана задиристым и заносчивым восемнадцатилетним парнем, а строчка из письма — повидавшим многое в этой жизни мужем.

АНТИПОДЫ

А.С. Пушкин — Николаю Первому (1826):

«Чины сдлались страстию русского народа.

*Озабоченный лишь продвижением по службе, дворянин входит в свет
безо всяких основательных познаний... всякая мысль для него нова.*

Он не в состоянии ни поверить, ни возражать».

*«В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное;
ребёнок окружён огнями холопами, видит огни гнусные примеры,
своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости,
о взаимных отношениях людей, об истинной чести».*

*«А так как в России всё продажно, то и экзамен сдлался
новой отраслю промышленности для профессоров».*

В Государственный совет записка от Николая Первого
«О некоторых правилах воспитания молодых людей...» (1831):

*«Детей от 10 до 18 лет обучать только в России, а за нарушение лишать
возможности поступать на государственную службу. Исключением может быть
только разрешение самого Николая I по очень веским причинам. С отъезжающих
за границу брать подписку, что их дети не будут обучаться за пределами России».*

21 апреля 1832 год. Зимний дворец

Сенатор Сергей Семёнович Уваров уже в который раз измерял шагами приёмную императора, дожидаясь своей очереди. Перебирал в уме все возможные прегрешения, за что мог быть вызван «на ковёр». Таковых не прослеживалось. Разве что некоторые стычки с поэтом Пушкиным, но ведь было за что. Нельзя же всё как есть спускать с рук пииту, пусть даже и первому в империи!

Незаметно мысли перенесли его в далёкую юность. Вспомнилось, как он, сын одного из адъютантов самого легендарного Григория Потёмкина, однажды взял да и изложил русскую национальную идею, состоящую всего из трёх слов: «Православие. Самодержавие. Народность». Много лет тому назад именно он стал инициатором создания общества «Арзамас». Тогда в него вошли самые что ни на есть вольнодумцы, некоторые из которых позже примкнули к декабристам. И совсем ещё юный Пушкин не раз бывал на их заседаниях, помнится, читал сказку «Руслан и Людмила». «А почему мы тогда назывались арзамасцы? Ах да, вспомнил. В конце наших жарких споров всегда на стол подавали жареного гуся «по-арзамаски». Жаль, конечно, что в

восемнадцатом году «Арзамас» развалился...»

— Извольте-с пожаловать в кабинет! Его Высочество вас ожидает, — прервал его воспоминания секретарь, распахивая огромную дубовую дверь.

— Есть несколько вопросов, на которые я желал бы услышать ваш ответ, — при этих словах самодержец поднялся с кресла и подошёл к окну, взглянув на площадь и людей, спящих внизу. — Итак, первое. Признайтесь честно, как вы относитесь к господину Пушкину и его сочинениям?

— Весьма положительно, — без раздумья ответил Уваров. — Год назад я перевёл на французский язык его поэтические творения «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России». За что получил от автора благодарность следующего содержания: «Мне остаётся от сердца благодарить вас за внимание, мне оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мне присвоенных вами», — Сергей Семёнович хотел ещё что-то сказать, но император его перебил:

— Достаточно, перейдём к следующему вопросу. Сколько лет мы с вами знакомы?

— Давненько, ещё ваш покойный брат нас знакомил, — нерешительно ответил Уваров, лихорадочно соображая, зачем император затеял этот разговор и куда он клонит. Меж тем самодержец продолжал:

— Карамзин и Сперанский и многие другие — все, все горячо рекомендуют именно вас на эту должность.

— К-ка-ку-ю? — почему-то заикаясь, поинтересовался сенатор.

— А разве я не сказал? Сейчас поясню. Вся наша система образования ориентирована на Запад. Учат из рук вон плохо. Настало время с этим что-то делать. Вот вам записка господина Пушкина шестилетней давности, почитаете на досуге. Там очень дельно всё изложено. Посему я желаю, чтобы в нашей империи образование, наконец, стало системным и патриотическим. Кому, кроме вас, сей воз тащить, не знаю. Подумайте и соглашайтесь. Ныне министр народного просвещения в летах немалых. С годик послужите его товарищем¹, а потом, с божьей помощью, и возглавите всё ведомство. С чего начнёте? Поделитесь с царём? — Николай Павлович подошёл к растерявшемуся Уварову и по-отечески его обнял.

— Надобно резко увеличить количество государственных гимназий. Далее — пришло время в Киеве открыть университет. Город развивается, следовательно, нужны местные образованные кадры. А в действующих университетах надобно увеличить штат профессоров и в первую очередь наших, русских, но прошедших стажировку в лучших учебных заведениях Европы. Стране также надобны различные технические училища, коих по пальцам перечислить можно. И ещё обсерваторию, оборудованную по последнему слову техники...

— Ну, это вы уж лишку загнули, — Николай Первый улыбнулся, — казённые деньги да на заморские стекляшки? Звёзды, что ль, считать? Впрочем, готовьте реляции, будем рассматривать. А сейчас ступайте с богом, я рад, что вы согласились взвалить на себя этукую ношу.

Уже стоя в дверях, Уваров обернулся?

— И ещё цензура. Она должна быть закреплена за министерством.

— Но ведь есть же Бенкендорф с его третьим отделением. Или вы считаете, что он не справляется? — хорошее настроение государя стало улетучиваться, и он, насупив брови, бросил: — Пишите! Всё пишете. Если убедите — передадим и цензурный комитет в ваше ведомство. Была бы только от этого польза.

3 декабря 1832 года. Кабинет Уварова в Министерстве просвещения

Сергей Семёнович в который уж раз перечитал письмо, пришедшее накануне:

«Президент Российской академии А.С. Шишков обратился к членам Академии с предложением избрать в действительные члены академии пять человек: 1) титулярный советник А. С. Пушкин, 2) отставной гвардии полковник П.А. Катенин, 3) директор московских театров М.Н. Загоскин, 4) протоиерей А.И. Малов, 5) археограф Д.И. Языков»...

В голове всплыла недавняя обида, заключающаяся в том, что этот кандидат в академики, минуя его ведомство, добился-таки разрешения на издание своей газетёнки «Дневник» в Министерстве внутренних дел! Взят перо, макнул его в чернильницу, да так и застыл с ним. Решил ещё раз прочитать документ от начала до конца:

«...Так как в голосовании этого предложения приняло участие менее двух третей членов академии, в соответствии с уставом остальным членам академии были посланы извещения о произведённой баллотировке с просьбой: дабы благоволили прислать в Академию свои голоса в особой запечатанной записке»...

¹ В царской России «товарищ министра» означало: заместитель министра.

15 декабря 1832 года на этом документе всё же появилась лаконичная подпись Уварова: «согласен» — благодаря которой поэт Александр Сергеевич Пушкин стал действительным членом Российской академии словесности.

Четыре месяца спустя

Из распоряжения по Министерству народного образования: «Первое: творения академика Пушкина цензурировать на общем основании, без всяких на то привилегий! Второе: исключить из поэмы данного автора восемь стихотворных строк. Без разъяснения причины!»

Поэт негодовал. И причина этого заключалась не столько в министре, сколько в издателе, которому текст был уже продан и за него получен нешуточный гонорар — по десять рублей за строчку. Творчество Александра Сергеевича оценивалось весьма недёшево.

Министерство народного просвещения

— Ваше сиятельство, Сергей Семёнович, как можно-с целых два катрена исключить из самого Пушкина! — невысокого роста цензор переминался с ноги на ногу и заискивающе заглядывал в глаза грозного начальника. — Господи помилуй, ведь скандал будет аж на восемьдесят рубликов. Поэт такого ни за что не простит, до царя-батюшки самолично дойдёт...

— Угломонитесь! — оборвал его Уваров. — В этом здании за всё отвечаю я. И таково моё последнее слово. Коль он у нас первый поэт империи, то так уж и быть, разрешаю публиковать сей опус, но только без этих строк. Так и передайте Пушкину. Не нравится, пусть идёт жалуется хоть... — при этих словах хозяин кабинета недвусмысленно поднял палец вверх.

* * *

Александр Сергеевич встречаться с министром не стал, но, придя к цензору, потребовал, чтобы вместо вычеркнутых строчек там были проставлены точки в количестве, равном исключённым буквам.

— Пусть издатель заплатит мне за эти точки, коль я их сочинил, а вы вымарали.

Издатель выкладывать кровные рубли за знаки препинания отказался. Александр Сергеевич на попятную не пошёл и своего добился. При помощи и поддержке друзей и поклонников его таланта поэма была напечатана, причём в первоначальном варианте, без какого-либо вымарывания неугодных цензору строк. Но после этого вялотекущая вражда между Уваровым и поэтом вышла на новый уровень.

Из дневника Пушкина: «10 апреля *(по новому стилю)*. О проведённом накануне вечере у Уварова: скука смертная!»

* * *

В светских салонах шушукались:

— Несмотря на всяческую неприязнь, наш Пушкин снизошёл до очередной встречи с министром. Хлопотал за Гоголя, хотел, чтобы тому предоставили кафедру всеобщей истории во вновь открывавшемся Киевском университете.

— И представляете, кафедру таки предоставили и даже в самой столице.

— А писатель, неблагодарный, маленько попреподавал, а потом взял да и уехал.

* * *

Пушкинскую «Историю пугачёвского бунта» Николай Павлович прочитал лично, откорректировал некоторые моменты и одобрил к публикации. Книга вышла в свет. Но Уваров где только мог критиковал это издание:

— Как можно такое публиковать? Это же форменное безобразие! Вот ежели бы сей опус проходил через мой цензурный кабинет, то я бы ни за что! Невзирая на все прошлые заслуги автора.

Из дневника АС. Пушкина: «Февраль 1835 года. В публике очень бранят моего Пугачёва, а что хуже — не покупают! Уваров — большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении... Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя! Царь любит — да псарь не любит!»

Год спустя

В провинциальном Воронеже тяжело заболел один из богатейших людей империи, граф Дмитрий Николаевич Шереметев. В светских салонах начались пересуды:

— Дни его сочтены, и кому же достанется несметное богатство вельможи?

— У бедняги наследников по прямой линии не просматривается.

Уваров, женатый на одной из сестёр Разумовских, мать которой доводилась родной

тёткой Шереметеву, посчитал себя претендентом на огромное состояние и приказал незамедлительно опечатать петербургский дом Шереметева. Рассуждал примерно так: «Мало ли что! Пока будут хоронить покойного графа да поминки устраивать, так и из имени вынесут всё самое ценное. С этой челяди станется».

Однако граф Шереметев внезапно взял да и поправился. Этим тут же воспользоваться Александр Сергеевич, сочинивший и опубликовавший оду «На выздоровление Лукулла»:

*А между тем наследник твой,
Как ворон к мертвечине падкий,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стязанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.*

В обществе новое сочинение Пушкина произвела эффект разорвавшейся бомбы. И без того натянутые отношения между поэтом и министром перешли в разряд открытого противостояния.

Министерство народного просвещения

— Вызовите ко мне этого... Пушкина! Желая объясниться с ним лично, — приказал Уваров стоящему по стойке смирно секретарю.

— Осмелюсь поинтересоваться: может быть, всё же послать бумагу с приглашением посетить наше ведомство? Человек ведь известнейший, как бы чего дурного не подумал, — чиновник много лет служил в министерстве и боялся, что, в случае чего, крайним могут сделать именно его.

— Делай, как велено! Или забыл, что за всё, что здесь происходит, перед императором отвечаю лично я?

О чём беседовали два этих антипода, нам доподлинно неизвестно. Но после их встречи, поэт обратился к всеильному шефу жаңдармов с письмом:

«Моя ода была послана в Москву без всякого объяснения. <...> Всякого рода намёки тщательно удалены оттуда. <...> В образе низкого пройдохи, скупца, ворующего казённые дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож, и т.д. — публика, говорят, узнала вельможу, человека богатого, человека, удостоенного важной должности. <...> Мне не важно, права публика или не права. Что для меня очень важно, это — доказать, что никогда и ничем я не намекал решительно никому на то, что моя ода направлена против кого бы то ни было».

Министр просвещения также обратился к Бенкендорфу, прося у того защиты от зарвавшегося поэта, «нанёсшего ему оскорбление, не столько частному лицу, сколько сановнику, занимающему крупный пост в государстве». Пришлось Александру Сергеевичу отправиться на ковёр и к начальнику Третьего отделения.

«Александр Сергеевич! Я обязан сообщить вам неприятное и щекотливое дело по поводу вот этих ваших стихов. Хотя вы назвали их Лукуллом и переводом с латинского, но согласитесь, что мы, да и всё русское общество в ваше время настолько просвещено, что умеем читать между строк и понимать настоящий смысл, цель и намерение сочинителя!»¹

* * *

После этого случая министр с поэтом более не разговаривал, но, затаив злобу, попытался отомстить Пушкину даже после его кончины.

Николай Первый, узнав о последствиях дуэли, приказал издать за казённый счёт полное собрание сочинений Александра Сергеевича, а все доходы от продажи одного передать семье убиенного. Уваров противиться воле государя не мог, но потребовал, чтобы каждая сточка будущих книг прошла через возглавляемый им цензурный комитет. К чести самодержца, он повторного вымарывания текстов не допустил. Книги увидели свет в первоначальной редакции.

Прошли годы. Пушкина помнят все, Уварова — только историки. Новотвысказанная им триада «Самодержавие. Православие. Народность» нет-нет да и промелькнёт на страницах журналов или всплывёт на каком-нибудь сайте всё помнящего интернета.

¹ «А.С. Пушкин, его жизнь и литературная деятельность. Биогр. очерк А.М. Скабичевского».